

Служить Улановой ты должен бескорыстно

19.
День пятилетия со дня смерти Галины Сергеевны Улановой, 21 марта, на сцене Театра Новая Опера состоится гала-концерт памяти великой балерины, организатором которого выступает Фонд Улановой. Предлагаем вашему вниманию эксклюзивное интервью Владимира ВАСИЛЬЕВА, являющегося президентом этого фонда.

— Почему фонд начинает свою работу только сейчас?

— До моего ухода из Большого фонд уже работал. Были проведены вечера памяти Галины Сергеевны, поставлено надгробие на ее могиле на Новодевичьем кладбище.

Постоянная работа должна была начаться в музее-квартире, которая решением комиссии по наследию закреплялась за театром. А после — уву! Большой не смог или не захотел взять квартиру на свой баланс, очевидно, считая это тяжким бременем. Никакой перспективы, кроме дополнительных расходов, связанных с этой опекой, театр не видел.

К счастью, квартира оказалась в ведении Музея им. Бахрушина, и теперь совместными усилиями музея и фонда программа, намеченная нами ранее, я надеюсь, будет реализовываться. Предполагалось, что в квартире Улановой, как это принято в других мемориальных квартирах, будут проходить творческие встречи, выставки и съемки телепередач. Другие способы увековечения памяти и пропаганды творчества тоже хорошо известны: выпуск печатной продукции, учреждение стипендий и т.д. Но! Имя Улановой должно ассоциироваться с настоящими добрыми делами. Стипендии будут получать только те молодые артисты, которые действительно в них нуждаются. Постараемся оказывать помощь и нашим малоимущим ветеранам.

Недавно во время перерегистрации фонда мы получили письмо из Большого театра, где говорилось о выходе Большого из состава учредителей. И я до сих пор не понимаю, чем руководствовались, принимая это решение.

— Фонд располагает значительным капиталом?

— Пока нулевым. Все устали от бесконечно образующихся новых фондов. И в результате они все-таки вынуждены заниматься коммерцией, чтобы поддерживать свое существование. Вы сами понимаете, что имя Улановой не позволяет нам использовать все известные коммерческие способы. Наша идея заключается в том, что фонд должен существовать, в основном, на основе меценатской поддержки. Люди, которые захотят поддержать нас, должны понимать, что никакой выгоды, кроме чести и славы, они не получают. Всякий раз искать нового спонсора очень хлопотно, и, помимо всего прочего, никогда не избавишься от ощущения, что пребываешь в подвешенном состоянии. А наши программы предполагают долгосрочное и надежное партнерство. Поэтому мы и хотели бы сосредоточиться на поиске таких глобальных и постоянных партнеров.

— Вы уверены, что вам будет легко найти таких людей?

— Разумеется, нет. Здесь необходима помощь Попечительского совета. А он объединяет весьма значительные ресурсы. Это, например,

Уланову. Потому мы к ним и обратились. Никого случайного, безразличного к ее творчеству у нас нет — все почитатели ее таланта. Мне хотелось бы, чтобы в состав Попечительского совета вошел Юрий Лужков. На то есть своя причина: Галина Сергеевна — единственная женщина, удостоенная звания почетного гражданина Москвы.

— Насколько я знаю, фонд будет заниматься и хореографическим образованием?

— Да, такое направление деятельности нами предусмотрено. Вообще, для нас очень важно, что все наши программы — это то, о чем мечтала сама Галина Сергеевна.

В частности, она неоднократно говорила о влиянии хореографической подготовки на эстетическое воспитание детей. Поэтому мы поддерживали открытие такой школы для детей в Черноголовке. И в дальнейшем собираемся открывать и поддерживать подобные школы.

К нам уже поступают аналогичные предложения из-за рубежа, например, из Англии. Конечно, мы относимся к ним с большой осторожностью, поскольку главным условием считаем высочайшее качество педагогов, формы и условия обучения.

Знаете, как бывает: собираются случайные люди и, прикрываясь известным именем, проводят чисто коммерческие уроки, на самом деле мало заботясь о результате. А это как раз противоположно нашим целям и задачам.

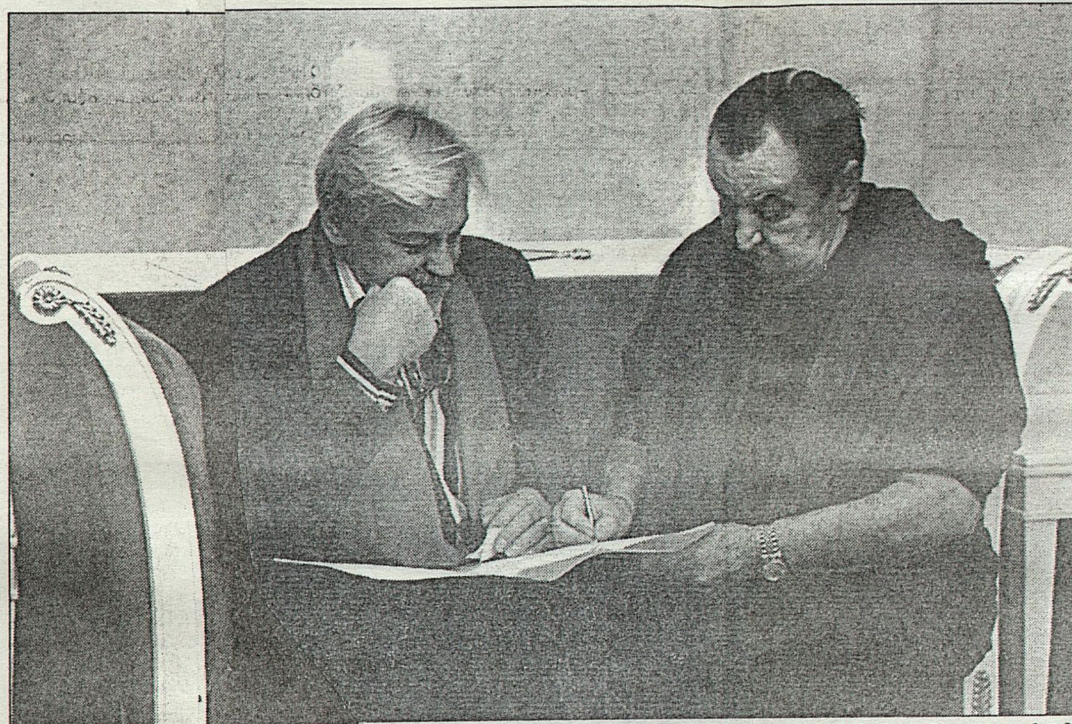
— Это была ваша идея — посвятить спектакль, который прошел в Мариинском театре 8 января, памяти Улановой?

— Да. 8 января — день рождения Галины Сергеевны, я узнал, что в Мариинке в этот день идет "Лебединое озеро", и подумал, что было бы неплохо именно с этого спектакля начать наше сотрудничество.

— Почему не в Большом?

— Согласитесь, что после получения письма о выходе Большого из фонда просить об этом мне сложно. А с другой стороны, Уланова, как известно, начинала в Ленинграде, там прошла ее юность, и ностальгия по этому городу не оставляла ее до конца жизни. Это как в "Щелкунчике", детские переживания — самые прекрасные, незамутненные, и память о них ты сохраняешь на всю жизнь.

Фонд обратился ко всем крупнейшим музыкальным театрам России, кстати, включая и Большой театр, а также в театры и балетные труппы ближнего и дальнего зарубежья с предложением, чтобы 21 марта, в годовщину смерти Улановой, каждый из них посвятил свой спектакль величайшей балерине. В этот день в Театре Новая Опера фонд проводит благотворительный вечер "Галина Улановой посвящается". В нем согласились безвозмездно принять участие звезды Большого театра, "Империальный русский балет" Гедиминаса Таранды, Литовский национальный балет, а также хор и оркестр Новой

В. Васильев и М. Бажар. Разговор о фонде

чилась история с аукционом?

— История с аукционом и не началась, а что касается квартиры, то там ничего не могло пропасть. Душеприказчицы Улановой — Татьяна Касаткина и Елена Брускова, — пока велась опись, просто дневали и ночевали в этой квартире, чтобы и мысли ни у кого возникнуть не могло, что там можно чем-то поживиться. Даже все туфли Галины Сергеевны, я имею в виду обычные туфли — не балетные, были снабжены инвентарными номерами. Все, что ушло из квартиры, ушло только по одному адресу — в Санкт-Петербургский театральный музей. И только потому, что таково было желание самой Улановой.

Что до статей и передач по этому поводу, которые вы имеете в виду, мы, к сожалению, имеем дело с непрофессионализмом или, хуже того, нечистоплотностью, когда вымысел выдается за действительность. Одна передача Андрея Караулова чего стоит.

— А я как раз хотела спросить об этом. Как бы вы могли прокомментировать его заявления?

— Я их прокомментировал в письме к его начальнику Олегу Попцову. Ответа не получил, но заявленная передача была снята с повторного эфира. Это — не момент истины, а дискредитация ее. Якобы Уланова жила всеми заброшенная, пролежала на полу несколько дней, прежде чем ее хватились... И это при том, что всем известно: Галина Сергеевна скончалась в реанимации Кремлевской больницы, куда врачи вообще запретили пускать кого бы то ни было. Все это подавалось с таким пафосом, будто было раскрыто преднамеренное убийство. И это только часть бреда. Боже, до чего можно дойти в погоне за сенсацией! Впрочем, Легенда рождает домыслы, в то время как самое интересное в ней то, что она была реальностью.

час вы оказались страстным пропагандистом ее творческого наследия. Вам удалось преодолеть охлаждение в последние годы ее жизни?

— Когда я в качестве художественного руководителя пришел в Большой театр, она уже работала мало. Молодежь эгоистична, многие отказывались работать с Галиной Сергеевной, потому что она не умела и не желала проталкивать своих учеников, никому не протезировала. Конечно, ее имя само по себе было очень значительно. Однако могли возникнуть ситуации, когда надо было бы пойти попросить... Уланова этого не делала никогда.

Но педагогом, на мой взгляд, она была хорошим. Наверное, не ко всем могла найти свой подход. А мы с Катей от нее получили очень много. Вот уж за это я ручаюсь. Сколько интересных штрихов мы нашли с ней для моих ролей, скольким изменениям, которые я в них сделал, я обязан Улановой! К примеру, "Жизель". Что-то не ладилось, я все время старался не быть самим собой, хотел походить на лирического героя. Мне казалось, что есть ряд представлений о классическом принце, которые не могут и не должны быть поколеблены. Преодолеть это заблуждение мне помогла именно Галина Сергеевна.

Охлаждения в отношениях, о которых вы говорите, произошло не из-за самой Улановой: Татьяна Агафонова — дама, которая, как вы прекрасно знаете, долгое время жила в доме Улановой, — в конце концов огладила Галину Сергеевну от всех. Но в последние годы ее жизни мы как раз много общались. Да и не мог бы я себе позволить не общаться с ней, особенно после того, как стал директором Большого театра. Ломал голову, как привлечь ее к работе, что сделать, чтобы она почувствовала себя заинтересованной, необходимой театру. Ученикам я, конечно, мог

могла ходить в театр. Я знал, что это ее мучило. Нужно было что-нибудь придумать. И я ввел для нее должность творческого консультанта, что должно было дать понять Галине Сергеевне, что в ней нуждаются и всегда готовы прислушаться к ее советам. Казалось, хорошо придумал, да и Галина Сергеевна воспрянула. А вот г-ну Караулову показалось, что плохо. По его словам, именно дирекция, то есть я, отлучила ее от театра.

В последние годы я часто разговаривал с Галиной Сергеевной о наших спектаклях. Это касалось и "Лебединого озера", и "Жизели". Рассказывал ей, как вижу эту музыку, она сидела на репетициях. Ей это было интересно.

— Владимир Викторович, вы ходите сейчас в Большой театр?

— Нет. После своей отставки не был ни разу. Не могу. Да, признаться, и приглашений не получал.

— Но жизнь без театра не имеет смысла, и ваша творческая энергия находит выход на других сценах. Вскоре после ухода из Большого вы исполнили роль Петра Ильича Чайковского в спектакле, поставленном на сцене Римской оперы. Расскажите, пожалуйста, о том, что последовало затем.

— Без работы, без творчества я жить не могу. Перенес свою "Золушку" на сцену Челябинского театра, в Аргентине возобновил "Паганини" Л. Лавровского в моей редакции.

Вслед за постановкой "Ромео и Джульетты" в Вильнюсе поставил этот балет и в Рио-де-Жанейро. Там были интересные мультимедийные декорации, разработанные аргентинским дизайнером Тито Эгурса. Компьютерная проекция создавала иллюзию трехмерного пространства. Это — не совсем тот "Ромео", который вы видели на сцене Театра Станиславского и Немировича-Данченко. В хореографическом отношении я тоже постоянно меняю некоторые акценты, целые танцевально-хореографические фрагменты. Так

чего не облегчал ни в своем танце, ни в своих постановках. Непременным законом для меня является только музыка, а она никогда не диктует единственно возможного решения.

В первом "Дон Кихоте", который я ставил в Американском театре балета, у меня была весьма существенная новация. Идея возникла из-за численного состава труппы — в ней не было большого количества солистов. Я объединил Уличную танцовщицу, Мерседес и Фанданго. Для исполнительницы роль была необыкновенно интересной, потому что она танцевала и на пальцах, и на каблучках, и босиком. Были две параллельные любовные линии: одна — это она и Тореро, другая, разумеется, — Базиль и Китри. Первая — с уклоном в характерный танец, вторая — классика. В прошлом году я поставил "Дон Кихот" в Токио-балете. Это действительно был всплеск творческой энергии, и работалось очень хорошо и радостно. Драматургия, в принципе, осталась та же. Труппа танцевала великолепно. И мне кажется, спектакль в Токио, — пожалуй, самый действенный и красочный из всех ныне идущих моих "Дон Кихотов".

Было очень интересно работать над "Аидой" летом в Вероне с Франко Дзеффирелли. Кстати, возможно, новый вариант "Ромео и Джульетты" будет показан на сцене Арена ди Верона.

И конечно же, большую радость доставила мне недавняя поездка в Школу Большого театра в Джинвилле в Бразилии, которую я открывал три года тому назад. Есть чем гордиться.

— Что помогло вам восстановить душевное равновесие после истории с Большим театром?

— Жена, друзья, наш дом в Рыжевке, природа, занятия живописью, а потом уже помогала работа. Предложения посыпались одно за другим: конкурсы, фестивали, постановки...

Настоящей неделей счастья стала неделя в Грасе во Франции с Молодым балетом Европы. Я там давал мастер-классы, рассказывал о русской школе. Им было интересно познакомиться с таким осколком истории, как я, а мне было интересно, чем дышит молодежь, тем более такая талантливая.

— Самое приятное событие последнего времени?

— Награда, которую вручил мне президент Литвы. Меня отметили двойкой: за вклад в культуру республики и за то, что поддержал их стремление к независимости. В 1991 году, сразу после кровавых событий 13 января (медаль так и называется "В честь 13 января"), я побывал в Вильнюсе в составе делегации творческой интеллигенции Москвы в качестве секретаря СТД, выступал, беседовал с литовской интеллигенцией. Они это оценили и запомнили.

— Вы продолжаете писать стихи?

— Сейчас редко и преимущественно эпиграммы.

— А серьезные?

— Писал только тогда, когда было больно. Когда работал в Большом театре.

— Теперь боль ушла?

— ...